

И действительно, речь шла вовсе не о работе жиголо.

Это просто у меня мысли были не о том.

Лань Дяо едва не лопнул со смеху, а затем объяснил, что хочет заняться ведением блога в соцсетях.

Стоило Лань Дяо чем-то загореться, как он тут же переходил к действиям.

Я с радостью его поддержал.

Так что днем я вкалывал на основной работе, а по вечерам возвращался домой и помогал ему продвигать его интернет-проект.

Лань Дяо создавал контент, посвященный нашей повседневной жизни, изредка выкладывая фотографии прессы.

Пресс-то был мой, а вот фоткал его он.

Лань Дяо с головой ушел в этот процесс, ежедневно снимая и монтируя ролики, порой засиживаясь до полуночи.

В конечном счете у него действительно кое-что наклюнулось.

Пусть это пока и не приносило реального дохода, он постепенно становился довольно известным блогером.

В день, когда число его подписчиков перевалило за десять тысяч, Лань Дяо специально приготовил торт в честь праздника.

Крем на торте был размазан косо-криво, но на вкус вышло очень даже недурно.

Он обнял меня и сказал:

— Сьюй Цин, дальше жизнь будет только лучше.

Эта зима выдалась пугающей.

Болезнь Сьюй Сяохун то и дело рецидивировала, девочка по нескольку раз ложилась в больницу и выписывалась обратно.

Когда она бредила, то мертвой хваткой цеплялась за мою руку и без конца звала маму.

У нее был точно такой же недуг, как и у нашей матери.

А мама скончалась от этой болезни как раз зимой, ровно десять лет назад.

Сьюй Сяохун мучилась от боли. Обливаясь слезами и сжимая мою ладонь, она спрашивала:

— Брат, я что, умру?

Я обхватил ее ледяные ладошки обеими руками, успокаивая:

— Пока брат рядом, я не позволю тебе умереть.

Врач честно признался мне, что на данный момент в стране эффективных методов лечения нет.

Если есть возможность, стоит попробовать уехать за границу — там появилась новая терапия, которая дает хотя бы призрачную надежду.

Лишь когда выпал первый снег, состояние Сюй Сяохун наконец удалось взять под контроль.

Мы с Лань Дяо забрали ее домой.

Мы закутали ее так плотно, что издалека она казалась пухлым карапузом со святящихся новогодних картинок.

Одной рукой она держала меня, другой — Лань Дяо, и улыбалась как никогда счастливо.

Сказать по правде, Лань Дяо тоже чувствовал себя неважно.

Частота обновлений в его блоге поползла вниз, потому что его собственное тело уже начинало сдавать.

Он втихаря горстями глотал быстродействующие таблетки для сердца.

Я принялся настойчиво гнать его обратно к семье.

Но он вдруг уперся как самый настоящий осёл.

Что бы я ни говорил, он просто притворялся глухонемым.

Он даже выдал мне:

— Вернуться домой? В какой еще дом? Сюй Цин, разве это не мой дом?

— Ты ведь сам раньше обещал, что не выставишь меня за дверь.

— Сюй Цин, если ты продолжишь меня злить, я ведь и правда могу слечь в больницу!

23

Каким бы упрямым ни был Лань Дяо, переупрямить собственную болезнь он не смог.

Ранней весной, когда мы проводили съемку на открытом воздухе, он все еще вовсю командовал моими движениями, как вдруг внезапно потерял сознание и рухнул на землю.

Я отвез его в госпиталь, принадлежащий семье Лань.

Администрация больницы тут же связалась с его матерью.

Но, к моему удивлению, первым на место примчался Ся Юйгуан.

Он так торопился, что даже попытался с ходу прорваться в реанимацию, но медсестры его вовремя перехватили.

Когда медсестра спросила, кем он приходится пациенту, он долгомялся и колебался, прежде чем наконец выдать:

— Др... друг.

В итоге нам обоим пришлось остаться ждать в больничном коридоре.

Он был на взводе и порывался устроить со мной драку.

Но, памятуя о своем прошлом опыте созерцания земли, он все же сдержался, уселся прямо на пол и принялся тихонько меня материть.

Мне было совершенно не до драк с ним.

Я неотрывно смотрел на двери реанимации и мысленно молился всем богам, каких только мог вспомнить.

Ся Юйгуан действительно слишком много болтал — даже когда я полностью его игнорировал, он умудрялся подолгу бубнить сам с собой.

Наконец он не выдержал, подскочил, ухватив меня за воротник, и выпалил:

— Сюй Цин, ты правда думаешь, что именно так и должен поступать любящий человек?

— Ему нужны лучшие врачи, высококлассное лечение! Что ты можешь ему дать? Что ты вообще способен ему предложить?!

— Ты его рано или поздно в гроб загонишь своими руками!

— Почему ты не отпускаешь его обратно в семью Лань?

— Я умоляю тебя, дай ему хотя бы шанс выжить!

...

Ся Юйгуан был абсолютно прав.

Оставаясь со мной, Лань Дяо шел дорогой к верной смерти.

Но я отчаянно хотел, чтобы он жил.

24

Когда Лань Дяо пришел в себя, меня уже не было.

Я вернул его семье Лань.

Я заблокировал все его контакты и в спешном порядке сменил квартиру.

По словам Ся Юйгуана, Лань Дяо теперь находился под строжайшим контролем матери, из-за чего он пришел в ярость и ежедневно устраивал в больнице дикие скандалы.

Когда я услышал об этом, мне, как ни странно, стало спокойнее.

Раз буянит, значит, силы еще есть.

Сестра спросила меня, что стряслось между нами и Лань Дяо.

Я ответил, что мы расстались и больше не сможем быть друзьями.

Мой тон был настолько непреклонен, что она не стала расспрашивать дальше — просто молча кивнула и ушла к себе.

Маленький ребенок действительно еще ничего не смыслит в жизни.

Я вернулся к своей работе на автомойке, а Ся Юйгуан повадился приходить ко мне каждый день, якобы помогать моему бизнесу.

По его собственному утверждению, мы теперь были братьями по несчастью, а потому должны поддерживать друг друга.

Я поражаюсь этому кадру.

Он реально ходячая комедия.

Причем его привычка трепать языком без умолку обострилась еще сильнее.

Ся Юйгуан, видимо, решил, что у нас появилось много общего теперь, когда мы оба потеряли Лань Дяо.

Так что даже если у него не было никаких дел, он все равно заваливался ко мне поболтать.

— Сюй Цин, курить хочешь? Сигареты — просто улет, — протянул он мне пачку, пока я отдыхал.

Я отмахнулся, ответив, что бросил.

— А? Ты же дымил вовсю, когда в прошлый раз меня колошматил. Когда это ты успел завязать?

— Бросил, потому что у Лань Дяо сердце больное.

— Черт, Сюй Цин, а ты мужик.

— ...

Стоило кому-то из нас упомянуть Лань Дяо, как на нас обоих, несчастных придурков, тут же накатывала глухая тоска.

В конце концов, так и не найдя больше слов, мы угрюмо расходились каждый в свою сторону.

25

Сами не заметили, как подкралось лето.

Из-за семейного бизнеса у Ся Юйгуана постепенно почти не осталось свободного времени, чтобы приходить ко мне на перекуры.

Мы общались лишь изредка, и он неизменно заводил разговор о Лань Дяо.

Это был мой единственный способ хоть что-то узнать о том, как у него дела.

Вообще-то за это время Лань Дяо и сам приходил искать меня.

Он умудрился снова втихаря навести обо мне справки и разузнал мой новый адрес.

— Суй Цин, сколько лет, сколько зим.

Он сильно похудел и стоял у порога с таким жалким видом, словно бездомный брошенный котенок.

Я тяжело вздохнул и впустил его в дом.

Это было в будний вечер, Суй Сяохун осталась в общежитии при школе, так что мы с Лань Дяо сидели в комнате вдвоем, друг напротив друга.

Он несколько раз открывал рот, будто хотел высказать мне целую лавину слов.

Но в итоге лишь робко поинтересовался, как я поживаю в последнее время.

Большую часть тех тридцати минут мы просто сидели в абсолютной тишине, не отрывая друг от друга глаз.

Наконец Лань Дяо поднялся, собираясь уходить.

Когда я подошел к двери, чтобы выпустить его, он вдруг резко прижал меня к себе и поцеловал.

Я не стал отталкивать его, но и отвечать на поцелуй не стал.

Просто замер на месте, притворившись бесчувственным бревном.

Когда Лань Дяо отстранился, его глаза были на мокром месте.

Он спросил меня:

— Суй Цин, я заплачу тебе денег. Назови любую сумму, какую захочешь. Мы можем вернуть все, как было раньше?

Я с трудом подавил в себе дикое желание смахнуть слезы с его щек и тихо ответил:

— Не нужно, Лань Дяо. В этом нет никакой необходимости.

— Я уже давным-давно перестал быть канарейкой.

Он закусил губу и долго-долго смотрел на меня.

В конце концов он утер слезы, развернулся и открыл дверь.

— Я понял.

— Прощай, Суй Цин. Береги себя.